

Картина Эдвина Ландсира (Edwin Landseer, *Rent Day in the Wilderness*), описывающая сцену из жизни Дональда Мэрчисона (в серых одеждах в центре) и его внука Родерика Мэрчисона (фигура в центре справа)

Чевкин спросил: «Кто в Европе лучше всех разбирается в этих делах? Фон Бух? Ну что же, пошлём образцы в Берлин, к фон Буху — маленькому пожилому человеку в синих очках, в длинном бархатном сюртуке, покрытом пылью от разбиваемых камней, к тому самому фон Буху, фамилию которого Мэрчисон когда-то увидел в книге постояльцев гостиницы в чистеньком баварском городке и сразу же бросился к нему в номер, прыгая через ступеньки».

Просмотрев русские материалы, фон Бух написал Мэрчисону: «Похоже, что в России имеется та же последовательность слоёв той самой граувакки, что и в Британии, только слои залегают спокойно, подобно стопке салфеток на столе».

Весной 1840 года отряд Мэрчисона отправился в Россию. В это время Чевкин вызвал к себе любимчика, выпускника Николая Кокшарова, и объявил: «Действуйте к чести русского имени и старайтесь быть приятным именитым иностранцам». Сыск камней — вот что более всего занимало горного кадета.

Однако Чевкин, военный человек, понимал, что самое главное, что нужно сделать в геологии, — разобраться со слоями: что выше, что ниже. Это может сделать только палеонтология, казалось бы, оторванная от практики наука. Многие не понимали образа мыслей Чевкина. Как же так: вместо того чтобы искать золото, медь, железо, платину, алмазы, аметисты, тратить деньги и время на изучение никому не нужных окаменелостей!

Это было радостное путешествие! Поручик Кокшаров с французским палеонтологом де Вернейлем частенько распевали во время маршрутов дуэты и арии из опер.

Мэрчисон увидел красноцветы — «олд ред» в России — добрый британский девон. В докладе о русском походе он заявил: «Это триумф для меня самого и для Седжвика». Однако юный Кокшаров осмелился противоречить обычно неуступчивому Мэрчисону, и не просто противоречить, но и отвергнуть его выводы — русские красноцветы гораздо выше «олд реда».

В заснеженный Екатеринбург приходит письмо из Лондона в конверте с грифом «На службе Её Величества Королевы Великобритании»: «Любезный Кокшаров! Пересмотрев и обсудив мои путевые заметки, я нашёл, что вы были правы». Позже обращение «любезный Кокшаров» сменится неизменным «мой милый Кок». Кок, Петушок.

Сначала Родерик планировал летом 1841 года поработать в Северной Америке, в Аппалачах. Но не выходило из ума письмо милого Кока. Наконец он расписал программу второй русской экспедиции, ставшей самым великим его путешествием. Собиралась прошлогодняя компания: верный де Вернейль, Александр Кейзерлинг, Николай Кокшаров, Пётр Карпинский. По плану предстояло сделать ряд маршрутов в Европейской России и особо тщательно исследовать Урал. Кавказ выпадал — это была горячая точка. Срок — пять месяцев, протяжённость маршрутов немалая — 20 тыс. км.